

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ»

В. А. МАРТИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Минская духовная академия, ул. Зыбицкая, 27, 220050, г. Минск, Беларусь

Анализируются основные проблемы определения понятия «религиозный экстремизм». Краткое описание истории поисков понятийной ясности в этой области показывает отсутствие согласованного мнения среди ученых по данному вопросу, сохраняющуюся неопределенность понятия, связываемого с термином «религиозный экстремизм», разрозненность подходов и некоторую периферийность темы для системы социологического знания. Исследуется проблема субъекта и потенциала религиозного экстремизма. Выявляется тип религиозных организаций, для которых наиболее характерен данный потенциал. В русле проблематики разрыва между экстремистскими идеями и их реализацией вскрывается существенное отличие светских и религиозных форм экстремизма. Проясняется проблематика крайних действий в исполнении религиозных экстремистов. Проводится граница между религиозным экстремизмом и иными формами религиозной девиации, такими как религиозный фундаментализм, религиозный радикализм, религиозный терроризм и религиозный фанатизм.

Ключевые слова: религиозный экстремизм; религиозный фундаментализм; религиозный терроризм; религиозный фанатизм; религиозно-мотивированное преступление.

TO THE PROBLEM OF DEFINING THE CONCEPT OF «RELIGIOUS EXTREMISM»

V. A. MARTINOVICH^a

^aMinsk Spiritual Academy, 27 Zybickaja Street, Minsk 220050, Belarus

This article is devoted to the analysis of the main problems of defining the concept of «religious extremism». A short description of the history of the search for conceptual clarity in this area shows the lack of a consensus among scientists on this issue, the continuing uncertainty of the concept associated with the term «religious extremism», the disjointed approaches and certain marginality of the topic for the system of sociological knowledge. The problems of the subject and the potential of religious extremism are examined. The type of religious organizations for which this potential is characteristic is revealed. In line with the problematic of the gap between extremist ideas and their implementation, a significant difference between secular and religious forms of extremism is revealed. The problem of extreme actions in the performance of religious extremists is clarified. The difference between religious extremism and such other forms of religious deviation as religious fundamentalism, religious radicalism, religious terrorism and religious fanaticisms is described.

Key words: religious extremism; religious fundamentalism; religious terrorism; religious fanaticism; religiously-motivated crime.

Введение

Несмотря на активное использование термина «религиозный экстремизм» в общественном дискурсе разных стран мира, в науке он не под-

вергался фундаментальной теоретической проработке. Большинство ученых используют его для маркировки тех или иных групп, но не погружа-

Образец цитирования:

Мартинович В.А. К проблеме определения понятия «религиозный экстремизм». *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2018;3:74–82.

For citation:

Martinovich VA. To the problem of defining the concept of «religious extremism». *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2018;3:74–82. Russian.

Автор:

Владимир Александрович Мартинович – доктор теологии, кандидат социологических наук; заведующий кафедрой апологетики.

Author:

Vladimir A. Martinovich, doctor of theology, PhD (sociology); head of the department of apologetics.
nrmsect@yandex.ru

ются в прояснение связываемых с ним понятий. Формулировки характеристик экстремистских организаций в законодательстве и документах органов исполнительной власти разных стран мира оторваны от научных исследований и недостаточно обоснованы. Экспертные сообщества опираются на разные критерии и методики идентификации организаций и текстов в качестве экстремистских, делают по одним и тем же группам и текстам противоположные заключения. Тема ре-

лигиозного экстремизма политизирована, а ситуация в целом порождает достаточно серьезную путаницу: содержательное наполнение понятия не имеет четких границ, смешивается с целым рядом определений иных терминов, обозначающих родственные, но не идентичные явления. Настоящая статья посвящена вскрытию некоторых проблем, возникающих при определении понятия «религиозный экстремизм», и не претендует на полноту анализа темы.

Краткая история определения понятия

Термин «экстремизм» (от лат. *extremus* – крайний) имеет долгую историю, исследование которой не является целью данной статьи. Отметим только, что он восходит к полемике между католиками и протестантами XVI–XVII столетий, в которой оппоненты именовали друг друга экстремистами [1, р. 68–69]. При этом первым начал его употреблять епископ Винчестера С. Гардинер в 1546 г. [2]. Несмотря на то что термин «экстремизм» не являлся частью понятийного аппарата богословия, использовался он религиозными группами исключительно в отношении иных религиозных групп. В XIX столетии не без влияния процесса секуляризации он был дополнен определением «религиозный», которое до того момента подразумевалось, но в силу некоторой своей очевидности не употреблялось. Вместе с тем термин «религиозный экстремизм» начал приобретать современное значение особого явления религиозной жизни, не сводимого к иным формам экстремизма.

К числу первых социологов, затрагивавших тему религиозного экстремизма, можно отнести М. Липсета с его работой «Политический человек: социальные основания политики» (1960). Ученый не дает определения понятию «экстремизм» и анализирует преимущественно его нерелигиозные формы, к числу которых относит коммунизм и фашизм. В то же время в работе встречается термин «религиозный экстремизм», основной формой проявления которого называются секты [3, с. 126–130]. Интересно, что, по Липсету, важнейшая функция религиозного экстремизма состоит в ослаблении «революционного и экстремистского политического потенциала» населения. Ученый отмечает: «...религия, особенно в форме сект, служила функциональной альтернативой политическому экстремизму...» [3, с. 46]. Питательную почву для зарождения экстремистских движений, партий и идеологий любой направленности М. Липсет видит в низком уровне доходов и образования населения, отсутствии перспектив улучшения материального положения, а также в изоляции отдельных людей и групп лиц с соответствующими данными. По мнению М. Липсета, экстремистскими могут быть не только малые группы, но и доминирующие

в обществе организации, крупные политические партии.

В 1967 г. Дж. Ванеко одним из первых предпринял попытку операционализации понятия «религиозный экстремизм» [4]. Ученый видел в религиозном экстремизме одно из 12 основных измерений религиозного поведения человека, разные степени проявления которого могут быть зафиксированы в границах двух основных переменных: а) способности верующего человека проводить различие между важными и второстепенными элементами вероучения религиозной организации; б) характере и степени интенсивности отвержения им других религиозных организаций.

Начиная с середины 1970-х гг. в Европе и США участилось использование термина «религиозный экстремизм» в общественном дискурсе в контексте полемики с сектами и культурами. Последние приводились в качестве характерного примера религиозных экстремистских организаций, в доказательство перечислялись многочисленные случаи их крайне негативного отношения к обществу, а порой и криминальных действий в отношении собственных членов и окружающих. Термин «религиозный экстремизм» в такой степени вошел в обиход в среде антикультового движения, что был включен в наименования организаций по борьбе с сектами, например «Родительский комитет по оказанию помощи против душевной зависимости и религиозного экстремизма» (Мюнхен, Германия, 1975 г.), «Бывшие члены экстремистских религиозных групп» (EMERG) (Лондон, Великобритания, 1980 г.) и др. В употребление вводятся такие термины, как «экстремистские культы» и «экстремистские секты» [5], а соответствующая терминология сохраняется вплоть до настоящего времени. Однако серьезной теоретической проработки термин «религиозный экстремизм» в антикультовом движении не получил. В то же время он активно использовался применительно к сектам и на территории СССР [6].

В 1983 г. Ч. Либман предложил различать *религиозный экстремизм как набор характеристик*, которые могут поддерживаться организациями и частными лицами, и *религиозный экстремизм как*

процесс наращивания или умаления данных характеристик [7]. Ученый выделил ряд существенных составляющих экстремизма: а) стремление распространить на все сферы жизни общества и личную жизнь населения строгое и максимально детализированное исполнение религиозных законов и предписаний; б) социальная изоляция субъекта религиозного экстремизма; в) отвержение субъектом религиозного экстремизма тех форм и явлений культуры, которые представляются чуждыми его религиозной традиции. Либман справедливо полагал, что религиозный экстремизм разрушителен для самого этого течения и общества, но любая принимаемая им форма организации тормозит и заглушает его проявления, не дает достигнуть поставленных целей. Исследуя иудаизм в Израиле, Ч. Либман пришел к выводу о том, что религиозный экстремизм является нормой и обыденным явлением для любой религиозной организации и в объяснениях не нуждается. Однако особого внимания и интерпретаций, по мнению ученого, требует иногда наблюдаемое отсутствие религиозного экстремизма в некоторых религиозных сообществах. При этом из его же характеристик экстремизма логически вытекает тезис о том, что во времена глубокой интеграции религии со всеми существующими социальными институтами религиозного экстремизма не было. Появился он лишь как защитная реакция на процессы секуляризации общества и маргинализации религиозных групп. Соответственно, чем в большей степени государство и общество будут дистанцироваться от религии во всем многообразии форм ее проявления, тем с большими проявлениями религиозного экстремизма они будут сталкиваться.

Интересен тот факт, что в рамках крупнейшего в современной истории научно-исследовательского проекта изучения фундаментализма и пограничных явлений («Фундаменталистский проект» Чикагского университета, США) религиозный экстремизм практически не артикулируется в качестве сколько-нибудь значимого понятия. Только в программной статье научных руководителей и кураторов проекта религиозный фундаментализм кратко полагается «чистой формой» религиозного экстремизма [8]. При этом не уточняются иные составляющие религиозного экстремизма, а стороннему исследователю предоставляется возможность самостоятельно решить, можно ли на основании одного этого замечания относить все материалы обширного пятитомного издания (результаты проекта) к религиозному экстремизму как родовому понятию по отношению к религиозному фундаментализму.

К числу исследователей, настаивавших на несостоятельности терминов «экстремизм» и «фундаментализм», относится Л. Ианнаконе. В 1992–1999 гг. ученый опубликовал серию статей [9; 10], в которых корректно указал, что эти термины

активно используются в политических баталиях представителями противостоящих друг другу партий и идеологических течений, что способствует их размыванию и ставит вопрос об их состоятельности и применимости в науке в целом. Вместе с тем, по мнению ученого, слабая обоснованность терминов не отменяет факта существования воинственных религиозных групп, поддерживающих высокий уровень напряжения в социокультурной среде. Ианнаконе полагает, что эти группы имеют преимущественно религиозный характер и корректнее их именовать сектами, или экстремистскими сектами. Ученый утверждает, что существующие исследования сектантства в большей степени могут прояснить специфику этих групп, чем теоретические работы по экстремизму. Интересно также замечание Л. Ианнаконе о том, что плодотворной почвой для возникновения и развития религиозного экстремизма служит отсутствие в обществе свободы вероисповедания.

В 2004 г. Д. Канетти-Низим отмечала, что формами религиозного экстремизма являются подавление религиозными группами прав иных религий и светских сообществ, организация насилия в их отношении, и писала о существовании «индустриального экстремизма» и «еврейского экстремизма» [11, р. 41].

Исследователь Р. Прус в 2005 г. определил религиозный экстремизм как интенсивное чувство идеологической одержимости, сопровождающееся целенаправленной и постоянно поддерживаемой системой действий, выражающих приверженность людей (либо одного человека) к конкретной системе верований [12]. При этом сам факт фанатичной приверженности человека любой идее, вне зависимости от ее содержания, привносит религиозную составляющую в этот процесс, что позволяет отнести человека или группу лиц к числу религиозных экстремистов. При таком достаточно популярном в современной западной науке расширительном толковании понятия «религия» к числу религиозных экстремистов могут относиться ярые приверженцы любых, в том числе государственных, идеологий, наиболее радикальные спортивные болельщики, страстные коллекционеры и все люди, сверх меры увлеченные какой-либо темой или идеей. Понятие нерелигиозного экстремизма при таком подходе отпадает за ненадобностью.

«Энциклопедический словарь социологии религии» 2017 г. определяет религиозный экстремизм как «приверженность к крайним мерам в сфере религиозных отношений» и рассматривает его в двух основных формах: а) внутренней (способ бытования религиозной традиции); б) внешней, ориентированной на общество со стороны религиозной организации [13, с. 493–494].

История определений исследуемого феномена не отличается связностью и логической последовательностью. Она выглядит как набор разрозненных

и несогласованных попыток разных авторов представить свои взгляды на заданную тему. При этом основная масса исследований, опускаемых в дан-

ном кратком обзоре, не дает определений термину «религиозный экстремизм». В науке отсутствует консенсус относительно его значения.

Проблематика субъекта религиозного экстремизма

Существующие классификации религиозных организаций не обладают достаточным эвристическим потенциалом для прояснения проблематики субъекта религиозного экстремизма. В своих теориях Дж. Ванеко и Ч. Либман косвенно обращали на это внимание. Религиозные экстремисты достаточно часто идентифицируются с каким-то одним типом религиозных организаций, например сектами. Однако такое уравнивание некорректно, так как, с одной стороны, существует большое количество примеров неконтролируемых проявлений экстремизма в традиционных религиях, например в исламе и христианстве, а с другой стороны, какие бы определения религиозного экстремизма ни брались за основу, всегда найдется значительное количество не подпадающих под него сект и культов. Иначе говоря, религиозный экстремизм может существовать в границах разных типов религиозных организаций.

В качестве субъекта религиозного экстремизма могут также выступать не только организации, но и отдельные верующие люди. Логическая необходимость их существования обусловлена широким распространением в обществе неинституализированных форм религиозности, представленных, помимо прочего, глубоко религиозными людьми, не посещающими никаких религиозных сообществ. Религиозные экстремисты – одиночки встречаются намного реже, чем совершающие религиозно-мотивированные преступления люди, с которыми их постоянно путают (более подробно о них будет сказано ниже). Характерным маркером таких экстремистов является наличие заимствованного либо самостоятельно разработанного религиозного учения, а также стремление любыми путями подчинить ему все общество. Объект их устремлений не отдельные группы лиц или институты, а весь социум. В архиве автора собраны несколько десятков примеров таких активистов с претензиями на мировое теократическое господство, действовавших в Бела-

руси. В большинстве случаев им просто не хватает сил, средств и способностей даже для заметного начала претворения в жизнь своих теоретических разработок. Однако в тех случаях, когда такие люди все же переходят к насильственным действиям, их также можно отнести к числу религиозных экстремистов.

Таким образом, в качестве субъекта религиозного экстремизма могут выступать религиозные организации и верующие люди. При этом не всякая организация, вовлеченная в экстремистскую деятельность, может быть квалифицирована в качестве экстремистской религиозной организации. Дело в том, что экстремистская деятельность может быть локализована на уровне одной или нескольких религиозных общин, не оказывающих влияния на жизнь крупных религиозных организаций. Так, например, какая-то церковь может иметь 30 тыс. общин во всем мире, из которых только 20 (0,07 %) будут вовлечены в экстремизм. По мнению автора, к числу экстремистских религиозных организаций можно относить только те сообщества, для которых осуществление экстремистской деятельности является доминирующей формой работы, охватывающей большую часть всех структурных подразделений организации.

Означенная специфика субъекта религиозного экстремизма приводит к тому, что религиозный экстремизм может иметь достаточно широкое распространение в обществе даже в тех случаях, когда в нем не действует ни одной экстремистской религиозной организации. С другой стороны, существование большого количества экстремистских религиозных групп не свидетельствует автоматически о широком распространении религиозного экстремизма. При этом наличие или отсутствие официальной регистрации в качестве религиозной организации не будет играть существенной роли в зарождении и развитии в ее структуре религиозного экстремизма.

Потенциал религиозного экстремизма

В 1975 г. Р. Уоллис предположил, что все типы религиозных организаций придерживаются одной из двух «парадигм истинности»:

а) плюралистической, допускающей возможность проявления истины во множестве разных форм в любых религиозных организациях (культы и деноминации);

б) индивидуалистической, базирующейся на представлении о существовании единственной и непо-

вторимой истины в рамках своей собственной организации (секты и церкви) [14].

Ученый не касался проблематики экстремизма, а привязка типа организации к конкретной «парадигме истинности» представляется некорректной. Тем не менее само выделение плюралистической и индивидуалистической парадигм может быть эффективно использовано при анализе феномена религиозного экстремизма.

Несколько упрощая картину конфессионально-пространства, можно отметить, что индивидуалистическая парадигма доминировала в обществе до начала XX столетия и была представлена христианством, иудаизмом и исламом в странах Запада, Ближнего Востока, Северной и Южной Америки. Плюралистическая парадигма разделялась преимущественно в границах индуизма, буддизма и даосизма в странах Азии. С начала XX столетия плюралистическая парадигма стала активнее распространяться и в странах Запада, чему способствовали широкое принятие заложенных в эпоху Просвещения принципов свободы вероисповедания, взаимопроникновение культур и ряд иных факторов.

В рамках исследуемой темы принципиальное значение имеет лишь содержательное наполнение индивидуалистической парадигмы. Оно включает в себя не только веру в уникальность и абсолютную истинность вероучения организации, но также императив к его распространению во всем мире, обращению в веру всех людей, включая членов иных религиозных организаций, стремление к подчинению всех институтов и сфер жизни общества. В разных религиозных организациях парадигма формулируется с опорой на разные системы обоснования, которые, как правило, не сводимы к одному вероучительному постулату. Отсутствие релятивизма в отношении собственной веры является внутренней нормой религиозной жизни как традиционных, так и нетрадиционных религиозных сообществ, придерживающихся данной парадигмы. Эта норма культивирует крайность в контексте существующей системы нормативов общества. Она не признает основную массу иных норм, особенно сформированных в нерелигиозном ключе. По своей сути индивидуалистическая парадигма формирует платформу, потенциал религиозного экстремизма, которые отсутствуют в организациях с плюралистической парадигмой истинности. Несмотря на отсутствие проявлений религиозного экстремизма в группах плюралистической парадигмы, в них вполне могут иметь место иные формы религиозной девиации. Таким образом, установление принадлежности религиозной организации к определенному типу парадигмы автоматически позволяет констатировать наличие в ней потенциала религиозного экстремизма. Однако в XX столетии решение данной задачи затрудняется как в плане географии распространения этих парадигм, так и в отношении их основных представителей. Ослабевает жесткая взаимосвязь между принадлежностью к религиозной организации и необходимостью безоговорочного принятия изначально заданного в ней типа парадигмы. Появляются христианские группы, придерживающиеся плюралистической парадигмы, и индуистские сообщества, разделяющие индивидуалистическую парадигму

истинности. Более того, в рамках одних и тех же конфессий возникают движения и локальные инициативы на уровне отдельных священнослужителей и религиозных общин, придерживающихся отличной от доминирующей парадигмы (например, в границах плюралистически ориентированной конфессии выделяются несколько индивидуалистически ориентированных общин или наоборот). В 1979 г. П. Бергер отмечал, что в XX столетии религиозная вера стала делом личного выбора человека [15]. Можно только добавить, что в это время человек, даже сделав свой выбор, продолжает конструировать веру в подходящей для него конфигурации, проживает ее по-своему, меняет и убирает в ней значимые элементы, к числу которых относится и доминирующая в конфессии парадигма истинности.

В этом контексте замечание К. Либмана требует корректировки: религиозный экстремизм сам по себе не является нормой для всех религиозных организаций. Однако в тех из них, которые опираются на индивидуалистическую парадигму, присутствует потенциал религиозного экстремизма. При этом следует помнить, что объектом исследования К. Либмана было не все конфессиональное пространство, а группы индивидуалистической парадигмы.

В случае с религиозными организациями потенциал религиозного экстремизма сам по себе еще не является каким-то преступлением и не позволяет прогнозировать его реализацию в виде конкретных экстремистских действий. Верующие, осознавая уникальность, неповторимость и полное превосходство собственной веры, работают над основным ее императивом – личным духовным ростом. Доминирующая ориентация на работу над собой не отменяет также значимый посыл к преобразению всего общества, но оказывает существенное влияние на смягчение формы его реализации. Достаточно жесткая риторика по обращению всего мира в определенную религию размывается на фоне активной работы человека над улучшением самого себя и своего отношения к окружающим. В результате, несмотря на очевидно присутствующий потенциал религиозного экстремизма, в подавляющем большинстве случаев он не получает выражения в негативных действиях. Зачастую имеет место обратное: рядовые верующие уважительно относятся к представителям иных вер и не прибегают к насилию в процессе миссионерской работы в обществе.

Для нерелигиозных форм экстремизма нехарактерен столь сильный разрыв между их идейной платформой и ее реализацией на практике. В светской среде отсутствует сопоставимое число сообществ, убежденных в абсолютной, непререкаемой истинности и универсальной значимости своей политической или иной программы по полному подчинению всего общества, которые на протяже-

нии столетий или хотя бы нескольких десятилетий постоянно призывали бы своих членов к ее реализации, но не скатывались при этом к противоправным экстремистским действиям. В светской среде появление и распространение экстремистских текстов, призывов и лозунгов быстрее приводит к их реализации в экстремистских практиках, чем в религиозных организациях. Так, например, призывы к убийству всех, поклоняющихся иным богам и занимающихся магией, содержащиеся в Библии (см. Исх. 22:20, Лев. 20:27, Чис. 25:5, Втор. 13:9 и др.), не дают повода для совершения правонарушений нескольким миллиардам христиан, мусульман и иудеев, признающих Ветхий Завет. Аналогичные призывы к убийству представителей иных групп не имеют в светской среде столь широкого распространения. Однако при их появлении в сопоставимых по значимости текстах, признаваемых в качестве высокоавторитетных такими же массами населения, они намного быстрее, чем в религиозной среде, получили бы какую-то реализацию.

Крайние действия в религиозном экстремизме

Элемент «крайние действия» чаще всего используется в определениях религиозного экстремизма, но очень редко при этом проясняется его сущность. Перечень действий, квалифицируемых в качестве экстремистских, присутствует в Законе Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» и Законе Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Однако эти перечни размывают границы понятия «экстремизм», включают в себя не имеющие отношения к экстремизму в целом и религиозному экстремизму в частности компоненты иных типов девиации (например, осуществление террористической деятельности), содержат нормы религиозной жизни традиционных для Беларуси и России конфессий (например, пропаганда религиозной исключительности, лежащая в основании организаций, опирающихся на индивидуалистскую парадигму истинности).

Сложность определения крайних действий состоит в следующем. Во-первых, арсенал форм и направлений деятельности религиозных экстремистов не ограничивается противоправными действиями и включает в себя потенциально неограниченное количество методов работы, в том числе

Разрыв между идейной базой экстремизма и ее осуществлением на практике должен стать предметом пристального внимания ученых, и его необходимо учитывать при оценке текстов на предмет наличия в них экстремизма. Так, обнаружение в светских и религиозных текстах содержательно сопоставимых по ряду параметров элементов экстремизма должно иметь разное значение в силу принципиальной разности контекстов бытования и последствий от изучения населением этих одинаковых по степени жесткости и радикальности текстов. Анализ факторов как сдерживающих переход потенциала религиозного экстремизма к практической реализации, так и форсирующих насильственные действия важен также для разрешения вопроса генезиса религиозного экстремизма. Можно предположить, что проявления религиозного экстремизма зависят как от внутренней ситуации в религиозной организации, так и от специфики социокультурной, политической, экономической и религиозной обстановки в конкретном обществе в заданный период.

укладывающихся в систему признанных норм общества. Во-вторых, никакие крайние действия, взятые вне контекста их совершения, не являются сами по себе экстремистскими. Так, убийство политика либо взрыв бомбы в многолюдном месте могут встречаться во всех типах религиозной девиации, но могут и не иметь никакого отношения к ним. Для квалификации действия в качестве экстремистского имеет значение не только степень его тяжести, но и прежде всего система ценностей, на которую опираются его исполнители, связываемые с ним цели и задачи, его место и роль как в контексте иных действий правонарушителя, так и в существующей системе нормативов общества. Важна также совокупность вызываемых преступлением немедленных и отсроченных эффектов в обществе.

Таким образом, крайние действия – важный, но сам по себе недостаточный компонент определения религиозного экстремизма. Для их осуществления именно в экстремистском ключе необходим определенный идейный контекст, задаваемый описанным ранее потенциалом экстремизма в виде определенного набора религиозных идей, учений или концепций, а также несводимость к ситуативным факторам и мотивам.

Многообразие религиозных форм девиации

Понимание границ феномена религиозного экстремизма неизбежно предполагает прояснение иных форм отклоняющегося группового поведения, которые можно разделить в зависимости от

доминирующей внутренней или внешней ориентации на следующие разновидности:

а) религиозный экстремизм (ориентация на общество в целом);

б) религиозный радикализм (ориентация на отдельные институты общества);

в) религиозный терроризм (ориентация на политическую систему общества);

г) религиозный фундаментализм (ориентация на религиозную организацию – субъект девиации);

д) религиозный фанатизм (ориентация на отдельных верующих).

Религиозный экстремизм – приверженность религиозных организаций или верующих крайним действиям, направленным на гомогенизацию всего общества в соответствии с набором религиозных идей, учений или концепций. О религиозном экстремизме можно говорить в тех случаях, когда его потенциал, присутствующий в религиозной группе, находит полноту своего проявления в недопустимых с позиций нормативной базы общества формах и методах. При этом акты насилия и жестокости будут являться не самоцелью, а частью какого-то более или менее продуманного плана по кардинальному изменению всего общества.

Так, например, религиозная организация может верить в необходимость захвата власти в обществе и передачи ее инопланетянам, а также в важность переустройства всего общества в соответствии с их указаниями (например, уничтожение системы образования, связанное с тем, что все необходимые знания человек якобы будет напрямую получать из космоса при рождении, и т. д.). Однако до тех пор, пока такая организация распространяет свое учение об НЛО мирными способами, вне зависимости от экстремистского потенциала в содержании ее учения, к религиозным экстремистским группам ее относить некорректно. Если эта группа перейдет к противоправным методам принуждения всего общества к принятию ее веры, она может быть квалифицирована в качестве религиозной экстремистской организации. Если к насилию перейдет только одна из нескольких десятков ее общин, можно будет констатировать факт экстремистской деятельности в ее структуре.

Религиозный радикализм – крайние действия религиозных организаций или отдельных верующих, нацеленные на коренное изменение одного или нескольких институтов общества в соответствии с набором религиозных идей и учений. Религиозный радикализм допускает многообразие общественных, религиозных и иных институтов общества и, в отличие от религиозного экстремизма, не стремится к гомогенизации общества. В то время как религиозный экстремизм является прерогативой организаций с индивидуалистической парадигмой истинности, религиозный радикализм имеет место преимущественно в группах с плюралистической парадигмой. Религиозный радикализм – самая продуманная, хорошо организованная и наименее девиантная форма религиозных отклонений.

Ему чужды учительные претензии на абсолютность и исключительность, не терпящие избирательного подхода к работе с внешним миром. Религиозный радикализм в конфессиональном пространстве разных стран мира встречается реже, чем религиозный экстремизм, фундаментализм и фанатизм.

Религиозный терроризм – система устрашения посредством насильственных действий, направленная на достижение определенных политических целей как средства последующего разрешения чисто религиозных вопросов. В качестве субъекта религиозного терроризма выступают религиозные организации или отдельные верующие. Никакая из парадигм истинности сама по себе не предполагает реализации целей в виде террористической деятельности. Опора на террор не характерна для религиозных организаций. Основная масса террористов лишь поверхностно знакома даже с основами веры, а их религиозная самоидентификация не сопровождается значимыми и проверяемыми показателями по всем остальным параметрам и измерениям религиозности. Совершение теракта от имени религиозной группы выступает для них лишь в качестве удобной формы прикрытия, а декларируемые политические цели являются конечными и могут дополняться еще и экономическим интересом. Соответственно, такие организации и группы лиц к числу религиозных террористов отнеситься не могут.

Анализ террористических актов, совершавшихся религиозными группами, показал, что инициировать, планировать и осуществлять их могут любые приверженцы организации, в том числе ее высший руководящий состав. Однако религиозные группы практически всегда стараются оставаться в тени и не брать на себя ответственность за совершенное преступление. Предполагается, что устрашение и нужный для группы политический эффект будут достигнуты сами по себе.

Религиозный фундаментализм – приверженность действиям, направленным на претворение в жизнь религиозной организации и верующего основных идей, учений или принципов, зафиксированных в считающемся непогрешимым религиозном тексте. В отличие от религиозных экстремистов основная интенция религиозных фундаменталистов состоит в неукоснительном исполнении предписаний сакрального текста, а не в понуждении всего общества и представителей других религий к его признанию. Фундаменталисты не скрывают своего негативного отношения к нарушениям этих предписаний со стороны общества, могут попытаться повлиять на изменение отношения населения или отдельных институтов к тем или иным темам. Религиозный фундаментализм развивается преимущественно в рамках индивидуалистической парадигмы истинности, имеет несравнимо большее

распространение, но на порядок меньший уровень конфликтности, чем религиозный экстремизм. Фундаменталисты в основной своей массе избегают насилия и противоправных действий в отношении окружающих. Работа с обществом редко выходит за уровень навязчивых попыток убедить всех в значимости сакрального текста и его предписаний.

Религиозный фанатизм – крайняя приверженность человека религиозному учению и организации, сопровождающаяся нетерпимостью и агрессивным отношением к любым альтернативным взглядам. Религиозный фанатик весьма чувствителен к претензиям на абсолютность и исключительность вероучения индивидуалистической парадигмы. Однако этот тип девиации проявляется также и в организациях плюралистической парадигмы, так как в религиозном фанатизме решающее значение имеет не учение организации, а особенности его восприятия человеком. Так, например, вера в истинность всех религий может защищаться с не меньшим фанатизмом, чем вера в истинность только одного учения. Фанатики достаточно плохо понимают содержательную специфику того учения, защите которого посвящают столько энергии и сил. Направленная вовне агрессивность не нацелена на инициирование каких-либо общественных преобразований, она является, скорее, самоуверенной демонстрацией собственной инаковости, чем стремлением обратить всех в свою веру. В определенных условиях религиозный фанатизм может принимать организованные формы и самим фактом своего широкого распространения оказывать влияние на систему межрелигиозных, церковно-государственных, а порой и общественных отношений.

Религиозно-мотивированное преступление является самой распространенной формой религиозной девиации, обделенной вниманием как исследователей, так и системы права, которая помогает лучше понять границы иных типов религиозного отклоняющегося поведения. Религиозно-мотивированное преступление совершается либо для исполнения отсутствующих в реальности, но якобы существующих религиозно-ритуальных обязательств и предписаний, либо как религиозно обоснованная реакция на развивающиеся события и ситуации.

В качестве субъекта религиозно-мотивированного преступления может выступать как отдельный человек, так и религиозная организация. В первом случае преступник искаженно воспринимает учение собственной религиозной организации и вопреки всему, что в ней говорится и пишется, приходит к выводу о том, что ему нужно, например, срочно кого-то убить. Он не понимает, что в его вере нет таких предписаний, но, будучи уверенным в их реальности, совершает преступление. Многие

известные автору данной статьи уголовные преступления на религиозной почве, совершенные в Республике Беларусь, относятся именно к этому типу девиации. В качестве наглядного примера можно привести получавшие в свое время широкую огласку случаи убийства людей сатанистами – как правило, молодыми людьми, заявлявшими о совершении преступления из-за предписаний сатанизма. Однако ни в одном известном труде сатанистов нет никаких предписаний убивать людей в ритуальных или иных целях. Более того, некоторые из них, например «Сатанинская библия», содержат запрет на убийство не только человека, но и животного. Белорусские сатанисты, чаще всего руководствуясь критическими статьями о сатанизме в печатных СМИ, совершают такие правонарушения не из-за того, что исполняют религиозное предписание сатанизма, а из-за незнания того, что таких предписаний нет. Эта ситуация характерна для большинства наиболее страшных и brutальных религиозно-мотивированных преступлений, якобы санкционированных религиозными организациями: их исполнители незнакомы с основами веры, предписания которой они якобы исполняют.

Во втором случае в качестве субъекта выступает религиозная группа. Преступление совершается исключительно по причине незапланированного развития событийного ряда. Религиозное обоснование и мотивация совершаемого не укладываются ни в одно из существующих определений религиозной девиации: группа не является ни фундаменталистской, ни экстремистской, ни радикалистской по своей сути. В то же время масштабы преступления могут превосходить самые кровавые теракты. В качестве примера можно привести убийство 923 человек – членов секты «Народный храм» в 1978 г. Ситуативный характер и религиозная мотивация данного убийства очевидны как при всестороннем анализе истории, учения и культовой практики этой секты, так и при ознакомлении с аудиозаписью проповеди ее основателя, которую он читал своим готовившимся к смерти последователям в процессе массового убийства [16].

В настоящей статье не рассматривались позитивные формы религиозной девиации, так как понимание их специфики не может существенно помочь в анализе феномена религиозного экстремизма. Также оставляется за рамками статьи анализ проблемы соотношения разных типов религиозной девиации друг с другом.

Представленные определения религиозного экстремизма и иных форм религиозной девиации достаточно несложно операционализируемы для проведения конкретных социологических исследований. Вне всякого сомнения, они могут и должны уточняться по мере получения более полных сведений по проблематике религиозных форм девиации.

Библиографические ссылки

1. Backes U. *Political Extremes. A conceptual history from antiquity to the present*. London, New York: Routledge; 2010.
2. Bötticher A. Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism. *Perspectives on Terrorism*. 2017;11(4):73–77.
3. Липсет М. *Политический человек: социальные основания политики*. Москва: Мысль; 2016.
4. Vanecko JJ. Types of Religious Behavior and Levels of Prejudice. *Sociological Analysis*. 1967;28(3):111–122.
5. Enroth R. *Youth, brainwashing and the extremist cults*. Michigan: Zondervan; 1977.
6. Арестов ВН. *Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления*. Харьков: Высшая школа; 1987.
7. Liebman CS. Extremism as a Religious Norm. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1983;22(1):75–86.
8. Marty ME, Appleby RS. An Interim Report on a Hypothetical Family. In: Marty ME, Appleby RS, editors. *Fundamentalisms Observed. The Fundamentalism Project. Vol. 1*. Chicago, London: Chicago University Press; 1991. p. 814–842.
9. Iannaccone LR. Toward an Economic Theory of «Fundamentalism». *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1997;153(1):100–116.
10. Iannaccone LR. Religious Extremism: Origins and Consequences. *Contemporary Jewry*. 1999;20(1):8–29.
11. Canetti-Nisim D. Two Religious Meaning Systems, One Political Belief System: Religiosity, Alternative Religiosity and Political Extremism. In: Weinberg L, Pedahzur A, editors. *Religious Fundamentalism and Political Extremism*. London: Routledge; 2004. p. 35–55.
12. Prus R. Terrorism, Tyranny, and Religious Extremism as Collective Activity: Beyond the Deviant, Psychological, and Power Mystiques. *The American Sociologist*. 2005;36(1):47–74.
13. Смирнов МЮ, редактор. *Энциклопедический словарь социологии религии*. Санкт-Петербург: Платоновское философское общество; 2017.
14. Wallis R. The cult and its transformation. In: Wallis R, editor. *Sectarianism. Analyses of Religious and Non-Religious Sects*. London: Peter Owen; 1975. p. 35–49.
15. Berger PL. *The Heretical Imperative. Contemporary possibilities of religious affirmation*. New York: Anchor Press; 1980.
16. Народный храм: «Смертная запись» Q 042, 18 ноября 1978 года, Джонстаун Гайана. *Сектоведение*. 2014;4:118–134.

References

1. Backes U. *Political Extremes. A conceptual history from antiquity to the present*. London, New York: Routledge; 2010.
2. Bötticher A. Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism. *Perspectives on Terrorism*. 2017;11(4):73–77.
3. Lipset M. *Political Man. The Social Bases of Politics*. Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press; 1959. Russian edition: Lipset M. *Politicheskii chelovek: sotsial'nye osnovaniya politiki*. Moscow: Mysl'; 2016.
4. Vanecko JJ. Types of Religious Behavior and Levels of Prejudice. *Sociological Analysis*. 1967;28(3):111–122.
5. Enroth R. *Youth, brainwashing and the extremist cults*. Michigan: Zondervan; 1977.
6. Arestov VN. *Religiozniy ekstremizm: sodержanie, prichiny i formy proyavleniya, puti preodoleniya* [Religious Extremism: content, genesis, appearance and the way of its destruction]. Harkov: Vysshaya shkola; 1987. Russian.
7. Liebman CS. Extremism as a Religious Norm. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1983;22(1):75–86.
8. Marty ME, Appleby RS. An Interim Report on a Hypothetical Family. In: Marty ME, Appleby RS, editors. *Fundamentalisms Observed. The Fundamentalism Project. Vol. 1*. Chicago, London: Chicago University Press; 1991. p. 814–842.
9. Iannaccone LR. Toward an Economic Theory of «Fundamentalism». *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1997;153(1):100–116.
10. Iannaccone LR. Religious Extremism: Origins and Consequences. *Contemporary Jewry*. 1999;20(1):8–29.
11. Canetti-Nisim D. Two Religious Meaning Systems, One Political Belief System: Religiosity, Alternative Religiosity and Political Extremism. In: Weinberg L, Pedahzur A, editors. *Religious Fundamentalism and Political Extremism*. London: Routledge; 2004. p. 35–55.
12. Prus R. Terrorism, Tyranny, and Religious Extremism as Collective Activity: Beyond the Deviant, Psychological, and Power Mystiques. *The American Sociologist*. 2005;36(1):47–74.
13. Smirnov MY, editor. *Entsiklopedicheskii slovar' sotsiologii religii* [Sociology of Religion. Dictionary]. Saint Petersburg: Platonovskoe filosofskoe obshchestvo; 2017. Russian.
14. Wallis R. The cult and its transformation. In: Wallis R, editor. *Sectarianism. Analyses of Religious and Non-Religious Sects*. London: Peter Owen; 1975. p. 35–49.
15. Berger PL. *The Heretical Imperative. Contemporary possibilities of religious affirmation*. New York: Anchor Press; 1980.
16. Narodnyi khran: «Smertnaya zapis'» Q 042, 18 noyabrya 1978 goda, Dzhonstaun Gayana [Peoples Temple: «Death Tape» Q 042, 1978 November 18, Jonestown Gayana]. *Sektovedenie* [Sects studies journal]. 2014;4:118–134. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.08.2018.
Received by editorial board 08.08.2018.